

·thebigbook·

ЭНТОНИ
ГОРОВИЦ



СОРОКИ-
УБИЙЦЫ



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 70

Anthony Horowitz
MAGPIE MURDERS

Copyright © 2016 by Anthony Horowitz
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-18642-2

© А. Л. Яковлев, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Крауч-Энд, Лондон

Бутылка вина. Семейная упаковка начос из тортильи со вкусом сыра и баночка острого соуса сальса. Пачка сигарет под рукой — каюсь, каюсь! Капли дождя, барабнящие по окну. И книга.

Ну что может быть лучше?

«Английские сорочки убийства» были девятой частью любимой и популярной во всем мире детективной серии про Атикуса Пюнда. Когда тем дождливым августовским вечером я впервые открыла эту книгу, она существовала только в виде распечатанной на принтере рукописи, и моей задачей было отредактировать ее перед изданием. Но прежде всего я собиралась насладиться ею. Помнится, едва войдя в дверь, я направилась на кухню, вынула из холодильника вкусняшки и положила их на поднос. Потом разделась, разбросав где попало вещи. В квартире все равно царил бардак. Я приняла душ, вытерлась и нырнула в просторную футболку с Мэйзи Маус, которую мне подарили на книжной ярмарке в Болонье. Час был слишком ранний, чтобы ложиться, но я плюхнулась на кровать, небранную еще с прошлой ночи. Обычно для меня это не характерно, но мой бойфренд уехал на шесть недель, а оставаясь в одиночестве, я сознательно понижаю стандарты. В неразберихе определенно есть что-то успокаивающее, тем более когда рядом нет никого, кто на нее сетует.

Вообще-то, мне жутко не нравится это слово — «бойфренд». Особенно в отношении мужчины пятидесяти двух лет, дважды разведенного. Беда в том, что в английском языке не подыскать толковой замены. Сожителем Андреаса не назовешь — для этого мы слишком редко встречаемся. Любовник? Моя вторая

половина? По различным причинам оба определения заставляют меня поморщиться. Он приехал с Крита. Андреас преподавал древнегреческий в Вестминстерской школе и снимал квартиру в Мейда-Вейл, неподалеку от меня. Мы поговаривали о том, чтобы съехаться, но опасались, что это станет концом наших отношений, поэтому, хотя в моем гардеробе было полно вещей Андреаса, его самого рядом со мной частенько не доставало. Так было и в тот раз. Андреас уехал на время школьных каникул, чтобы побыть с семьей. Его родители, вдовая бабушка, двое несовершеннолетних сыновей и брат бывшей жены жили в одном доме, образуя запутанный клубок родственных связей, который грекам, похоже, по вкусу. Вернуться он должен был не раньше вторника, накануне начала занятий, и увидеться мы могли только в следующие выходные.

Так что я жила сама по себе в своей квартире в Крауч-Энде, размещавшейся в цокольном этаже викторианского дома на Клифтон-роуд, минутах в пятнадцати ходьбы от станции метро «Хайгейт». Наверное, это было самое разумное из моих приобретений. Мне нравилось жить там. Там было тихо и уютно, нам на двоих с хореографом со второго этажа принадлежал садик, но моя соседка почти не появлялась в нем. У меня, понятное дело, было слишком много книг. Каждый дюйм на полках был занят. Книги лежали поверх других книг. Сами полки прогибались под их весом. Вторую спальню я переоборудовала под кабинет, хотя старалась не работать дома. Им чаще пользовался Андреас, когда жил у меня.

Я откупорила вино. Отвинтила крышку с сальсы. Закурила сигарету. И начала читать книгу, как это делаете сейчас вы. Но прежде чем вы приступите, я обязана вас предупредить.

Эта книга изменила мою жизнь.

Вероятно, вам и прежде доводилось встречать подобное утверждение. Со стыдом говорю, что поместила это признание на обложку моего первого романа, весьма посредственного триллера про Вторую мировую войну. Кто-то, не помню, кто именно, сказал, что книга способна изменить вашу жизнь только одним способом — свалившись вам на голову. Никогда не забуду, как совсем еще девочкой я читала сестер Бронте и влю-

билась в их мир: мелодрама, живописные пейзажи, очарование готики и тому подобное. Вы вправе решить, что увлечение «Джен Эйр» и подтолкнуло меня к издательской деятельности, но в свете случившегося в этом угадывается некая ирония. Есть немало книг, глубоко меня затронувших: «Не отпускай меня» Исигуро¹, «Искупление» Макьюэна². Говорят, что под воздействием феномена Гарри Поттера дети буквально хлынули в школы-пансионы. Бесспорный факт, что есть книги, оказывающие огромное влияние на наше мировоззрение. «Любовник леди Чаттерлей» — один очевидный тому пример, «1984» — другой. Но мне кажется, едва ли имеет значение, что именно мы читаем. Наша жизнь катится по проложенным с самого начала рельсам. Художественная литература способна лишь на миг приоткрыть нам альтернативу. Возможно, из-за этого мы ее так любим.

Но «Английские сорочки убийства» в самом деле изменили для меня все. Я больше не живу в Крауч-Энде. Я оставила работу. Растеряла большинство друзей. Тем вечером, перевернув первую страницу распечатки рукописи, я понятия не имела, что отправляюсь в плавание. И честно признаться, если бы знала об этом, то едва ли согласилась подняться на борт. Это мерзавец Алан Конвей виноват во всем. Я с первого взгляда прониклась к нему неприязнью, хотя, странное дело, мне всегда нравились его книги. Как по мне, так нет ничего лучше хорошего детектива: крутые повороты и загадки, подсказки и ложные улики и, наконец, облегчение, когда все разъясняется, причем таким образом, что ты кусаешь себе локти — ну как можно было не заметить разгадки с самого начала?

Начиная читать, я примерно этого и ожидала. Однако «Английские сорочки убийства» оказались не такими. Совсем не такими.

Надеюсь, мне нет нужды снова это повторять. В отличие от меня, вы предупреждены.

¹ *Кадзуо Исигуро* (р. 1954) — английский писатель японского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 года. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² *Энн Макьюэн* (р. 1948) — английский писатель, сценарист и драматург, лауреат премии Сомерсета Моэма, Букеровской премии и других наград.



АЛАН КОНВЕЙ

АНГЛИЙСКИЕ СОРОЧЬИ УБИЙСТВА

РАССЛЕДОВАНИЕ АТТИКУСА ПЮНДА



Об авторе

Алан Конвей родился в Ипсуиче, окончил школу в Вудбридже, затем с отличием Университет Лидса по специальности «английская литература». Позже поступил возрастным студентом в Университет Восточной Англии, чтобы изучать писательское мастерство. Следующие шесть лет Конвей работал учителем, пока в 1995 году его роман «Аттикус Пюнд расследует» не добился успеха. Книга двадцать восемь недель продержалась в списке бестселлеров «Санди таймс» и удостоилась премии «Золотой кинжал», присуждаемой Ассоциацией писателей детективного жанра за лучший детектив года. С тех пор во всем мире продано восемнадцать миллионов экземпляров книг про Аттикуса Пюнда, они переведены на тридцать пять языков. В 2012 году Алан Конвей был удостоен ордена Британской империи за вклад в литературу. Он имеет ребенка от первого брака и проживает во Фрамлингеме в Суффолке.

Книги серии «Аттикус Пюнд»:

- «Аттикус Пюнд расследует»
- «Нет покоя нечестивым»
- «Аттикус Пюнд берется за дело»
- «Гость приходит ночью»
- «Рождество Аттикуса Пюнда»
- «Аперитив с цианидом»
- «Маки для Аттикуса»
- «Мистер Пюнд за границей»

Отзывы о книгах Алана Конвея об Аттикусе Пюнде

Все, чего вы ждете от английского детектива. Стильно, умно и непредсказуемо.

«Индепендент»

Смотри в оба, Эркюль Пуаро! В городе объявился умник-коротышка из-за границы, и он уже наступает тебе на пятки.

«Дейли мейл»

Я поклонник Аттикуса Пюнда. Он возвращает нас в золотой век детективной литературы и напоминает о том, с чего все началось.

Иэн Рэнкин¹

Шерлок Холмс, лорд Питер Уимзи, отец Браун, Филип Марлоу, Пуаро... чтобы перечислить всех великих сыщиков достаточно, наверное, пальцев одной руки. Что ж, для Аттикуса Пюнда вам понадобится лишний палец!

«Айриш индепендент»

Для отличной детективной истории нужен отличный сыщик, и Аттикус Пюнд — достойное пополнение в их рядах.

«Йоркшир пост»

У Германии появился новый посол. А у преступления — его величайший противник.

«Дер Тагесцитигель»

¹ *Иэн Рэнкин* (р. 1960) — шотландский писатель, автор романов и рассказов детективного жанра; наиболее известен цикл произведений об инспекторе Джоне Ребусе; часть произведений опубликовал под псевдонимом Джек Харви.

Энтони Горовиц

Алан Конвей явно общается с вселившимся в него духом Агаты Кристи. И я желаю ему удачи. Мне нравится то, что он делает.

Роберт Харрис

Он наполовину грек, наполовину немец, но прав всегда на сто процентов. Как его зовут? Пюнд. Аттикус Пюнд.

«Дейли экспресс»

СКОРО В МАСШТАБНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ
ОТ БИ-БИ-СИ-1!



ЧАСТЬ I

ПЕЧАЛЬ



1

23 июля 1955 года

Предстояли похороны.

Два могильщика, старый Джефф Уивер и его сын Адам, встали спозаранку и обо всем позаботились. Могила была в точности нужного размера, земля аккуратно ссыпана на одну сторону. Церковь Святого Ботольфа в Саксби-на-Эйвоне никогда не выглядела прекраснее, утреннее солнце играло в витражах окон. Церковь вела свою историю с двенадцатого века, но, разумеется, не единожды перестраивалась. Свежая могила располагалась к востоку, близ развалин древнего алтаря, где буйно разрослась трава, а меж обрушившихся арок цвели ромашки и одуванчики.

В самой деревне царила тишина, улицы были пустынные. Молочник уже закончил развозку и исчез, позвякивая бутылками в кузове фургона. Разносчики почты завершили обход. Была суббота, так что на работу никто не торопился, а час был слишком ранний, чтобы домохозяева занялись обычной рутинной выходного дня. В девять открывался деревенский магазин. От расположенной по соседству пекарни уже тянулся аромат только что вынутого из печи хлеба. Вскоре появятся первые покупатели. А едва закончится завтрак, заведет свою песню хор газонокосильщиков. Стоял июль, самый хлопотливый месяц для неугомонной армии обитающих в Саксби-на-Эйвоне садоводов, и в свете грядущей всего через месяц Ярмарки урожая уже шла подрезка роз, а кабачки тщательно обмерялись. В половине второго на деревенской лужайке должен был состояться матч по крикету. Приедет фургончик с мороженым, для детей организуют игры, гости будут устраивать пикники

перед своими машинами. Заработает кафе. Идеальный английский летний день.

Но не в этот раз. Впечатление создавалось такое, будто деревня почтительно затаила дыхание, ожидая, когда гроб отправится в путешествие из Бата. В данный момент его грузили на катафалк в присутствии торжественно-мрачных сопровождающих: пяти мужчин и одной женщины, старательно отводивших глаза друг от друга, словно неуверенных, куда им следует смотреть. Из мужчин четверо были профессиональными организаторами похорон из высокоуважаемой фирмы «Ланнер и Крейн». Компания эта существовала с викторианских времен, когда занималась по преимуществу строительными подрядами и деревообработкой. В те дни гробы и погребения были почти неприметным, побочным бизнесом. Но по иронии судьбы именно это направление выжило. «Ланнер и Крейн» уже не строили домов, зато их имя стало олицетворением достойных похорон. Сегодняшняя церемония была в высшей степени скромной. Катафалк представлял собой автомобиль, никаких вороных коней или пышных гирлянд. Сам гроб, хотя и добротной работы, сделан был, без всякого сомнения, из древесины дешевых сортов. На единственной табличке, скорее посеребрянной, чем серебрянной, значилось имя усопшей и две главные даты:

*Мэри Элизабет Блэкистон
5 апреля 1887 — 15 июля 1955*

Жизнь этой женщины не была такой уж короткой, она захватила рубеж двух столетий, но оборвалась довольно внезапно. Отложенных Мэри на похороны денег не хватило даже на покрытие всех расходов, но это не имело значения, поскольку страховщики гасили разницу, и покойная была бы довольна, если бы увидела, что все происходит в соответствии с ее желанием.

Катафалк выехал точно вовремя, отправившись в восьмимильное путешествие, когда минутная стрелка указала на тридцать минут десятого. Двигаясь подобающим случаем не-

спешным аллюром, экипаж должен был прибыть на церковный двор в час. Будь у фирмы «Ланнер и Крейн» слоган, он гласил бы: «Никогда не опаздывать». И хотя двое едущих с гробом плакальщика и не замечали того, но более прелестный ландшафт трудно было себе представить: поля по ту сторону низкой каменной стены полого спускались к реке Эйвон, с которой им всю дорогу было по пути.

На кладбище у церкви Святого Ботольфа два могильщика озирали труды рук своих. Много слов можно найти о похоронах: глубоких, прочувствованных, философских. Но нельзя выразиться точнее, чем это сделал Джефф Уивер, когда, опершись на лопату и сворачивая мозолистыми пальцами самокрутку, обратился к сыну.

— Если уж соберешься помереть, — произнес он, — то более подходящего дня и представить трудно.

2

Сидя за кухонным столом в доме vicария, преподобный Робин Осборн завершал приготовления к погребальной речи. Перед ним на столе лежали шесть страниц, отпечатанных на машинке, но уже пестрящих поправками, сделанными его угловатым почерком. Слишком длинно? На днях кое-кто из паствы сетовал, что его проповеди бывают затянуты, и даже епископ выказал признаки нетерпения во время обращения преподобного в день Пятидесятницы. Но в этот раз дело другое. Миссис Блэкистон всю жизнь прожила в деревне. Все ее знали. И наверняка готовы пожертвовать полчаса, а то и сорок минут, чтобы попрощаться с ней.

Кухня была просторной и светлой, плита фирмы «Ага» круглый год источала приятное тепло. На крючках были развешаны кастрюли и сковородки, здесь же хранились горшочки со свежими и засушенными растениями. Собраны они были Осборнами лично. Этажом выше располагались две спальни, обе непритязательные и уютные, с пушистыми коврами, вруч-

ную вышитыми подушечками и новомодными световыми окошками в потолке, добавленными только после долгих консультаций с церковными властями. Но главным достоинством дома священника было его расположение: он стоял на краю деревни и смотрел на лесистую местность, известную тут как Дингл-Делл. Она включала луг, покрытый весной и летом цветами, дальше простиралась полоса собственно леса, за деревьями которого — по большей части то были дубы и вязы — скрывалась усадьба Пай-Холл: озеро, газоны и сам дом. Каждое утро Робин Осборн просыпался и любовался на вид, не перестававший приносить ему радость. Иногда ему казалось, что он живет в волшебной сказке.

Резиденция vicararia не всегда была такой. Когда Осборны вместе с приходом унаследовали от дряхлого священника Монтегю дом, тот весьма подходил под описание жилища старого холостяка, будучи сырым и негостеприимным. Но Генриетта Осборн сразу пустила в ход свои магические способности. Она выбросила всю мебель, которую сочла некрасивой или неудобной, и прочесала все комиссионные магазины в Уилтшире и в Эйвоне в поисках подходящей замены. Ее энергия не переставала изумлять преподобного. Уже тот факт, что Генриетта согласилась выйти за приходского священника, вызывал удивление, но она еще и принялась исполнять свои обязанности с рвением, снискавшим ей уважение с самого их приезда. Нигде эта пара не могла обрести большего счастья, чем в Саксби-на-Эйвоне. Да, храм требовал ремонта. Отопление то и дело выходило из строя. Крыша опять протекла. Но паства была достаточно большой, чтобы удовлетворить даже епископа, а многих из верующих Осборны считали теперь своими друзьями. У них и в мыслях не было перебираться куда-то еще.

«Она была частью деревни. И хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя. Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли цветами эту самую церковь каждое воскресенье, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования

для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита».

Осборн попытался вызвать в памяти образ женщины, большую часть своей трудовой жизни проведшей экономкой в Пай-Холле. Низенькая, темноволосая, решительная, она всегда находилась в движении, как будто вела свой личный крестовый поход. Его воспоминания о ней были несколько расплывчатыми, поскольку, если честно признать, им крайне редко приходилось проводить время в одной комнате. Иногда они встречались на каком-нибудь общественном мероприятии, но не часто. Обитатели Саксби-на-Эйвоне не были в прямом смысле слова снобами, но в то же время не забывали о сословных различиях, и если викарий считался подходящим членом любой компании, эта привилегия не распространялась на особу, которая в конце дня должна была выполнять роль уборщицы. Вероятно, Мэри осознавала сей факт. Даже в церкви она старалась сесть на скамью в самых последних рядах. Предлагая помощь людям, она делала это с какой-то чрезмерной почтительностью, словно то была ее обязанность.

А может, все обстояло куда проще? Думая о Мэри и перечитывая текст, преподобный нашел, как описать ее одним словом. Назойливая. Несправедливо и неуместно было произносить его вслух, но Осборн вынужден был признать, что доля истины в этом есть. Мэри была из тех женщин, которые суют пальчик в любой пирог, включая яблочный и ежевичный, и ставила перед собой цель поддерживать знакомство со всеми в деревне. Каким-то образом ей всегда удавалось оказаться там, где в ней нуждались. Проблема заключалась в том, что она оказывалась и там, где такой необходимости не было.

Осборну вспомнилось, как он застал ее в этой самой комнате не далее как две недели назад. Он злился на себя, поскольку этого следовало ожидать. Генриетта постоянно жаловалась, что он не запирает входную дверь, как если бы дом викария являлся

всего лишь пристройкой к церкви, а не частным жилищем. Стоило прислушаться к жене. Мэри стояла, держа в руке бутылочку с зеленой жидкостью, словно некий средневековый талисман для отпугивания демонов.

— Доброе утро, викарий! — произнесла женщина. — Слышала, что вам досаждают осы. Я принесла мятное масло, оно поможет избавиться от них. Моя матушка в этом средстве души не чаяла!

Это было правдой — в доме водились осы. Но откуда Мэри про это узнала? Осборн не говорил никому, кроме Генриетты, а уж та точно не стала бы болтать. Впрочем, трудно что-либо утаить в таком мирке, как Саксби-на-Эйвоне. Каким-то неисповедимым образом тут все знают все обо всех, и есть поговорка: чихни у себя в ванной, и кто-то тут же протянет тебе носовой платок.

Увидев ее тогда, Осборн не знал, стоит ли ему благодарить или злиться. Он пробормотал «спасибо», но одновременно скосил глаза на кухонный стол. И точно, они были там, лежали среди кипы его бумаг. Сколько она пробыла в комнате? Заметила их? Мэри ничего не сказала, а ему, естественно, не с руки было спрашивать. Он как можно скорее выпроводил ее, и эта их встреча оказалась последней. Когда Мэри умерла, Робин и Генриетта находились в отпуске и вернулись к самым ее похоронам.

Услышав шаги, викарий поднял голову и увидел Генриетту. Она только что вышла из душа и еще не успела надеть банный халат. В свои почти пятьдесят она оставалась очень привлекательной женщиной с водопадом каштановых волос и фигурой, которую каталоги модных товаров характеризуют как «пышная». Генриетта происходила совсем из другого мира — она была младшей дочерью богатого фермера, владельца тысячи акров земли в Западном Суссексе. И тем не менее, встретившись в Лондоне, на лекции в Уигмор-холле, молодые люди с первого взгляда прониклись взаимной симпатией. Они поженились без согласия родителей и с тех пор жили душа в душу. Единственным сожалением было то, что брак их не был благо-

словлен детьми, но на то, разумеется, была Божья воля, и им пришлось принять ее. Эти двое были счастливы просто оттого, что они есть друг у друга.

— Думала, ты уже закончил, — сказала Генриетта, доставая из буфета мед и масло. Потом отрезала себе ломтик хлеба.

— Просто добавляю пару мыслей, пришедших в последний момент в голову.

— Ну, Робин, на твоём месте я бы не стала разглаживать. Сегодня суббота как-никак, и всем хочется поскорее освободиться.

— После мы собираемся в «Гербе королевы». В одиннадцать.

— Чудесно. — Генриетта поставила тарелку с завтраком на стол и плюхнулась на стул. — Сэр Магнус ответил на твоё письмо?

— Нет. Но я уверен, что он придет.

— Что ж, он явно не торопится. — Женщина наклонилась и пробежала взглядом по страницам. — Ты не можешь сказать так.

— Как?

— «Была жизнью и душой любого общества».

— Почему?

— Потому что это неправда. Если начистоту, я всегда находила Мэри очень скрытной, застегнутой на все пуговицы. Общаться с ней было совсем не просто.

— Она выглядела даже веселой, когда была у нас на минувшее Рождество.

— Присоединилась к хоралу, если ты это имел в виду. Но что на самом деле у нее на уме, никто не знал. Не могу сказать, что она мне нравилась.

— Не стоит так говорить о ней, Хен. И уж точно не сегодня.

— Не вижу к тому причины. Ох уж мне эти похороны — сущее лицемерие! Все твердят, каким замечательным был покойник, каким добрым и щедрым, но в глубине души знают, что это не так. Я никогда не испытывала симпатии к Мэри

Блэкистон и не намерена теперь петь ей дифирамбы только из-за того, что она удосужилась свалиться с лестницы и сломать шею.

— Ты ведешь себя немилосердно.

— Я просто честна, Робби. И знаю, что ты полностью со мной согласен, даже если пытаешься убедить себя в обратном. Но не переживай: обещаю не опозорить тебя перед лицом плакальщиков. — Женщина состроила гримасу. — Ну, достаточно скорбное выражение?

— Не лучше ли тебе приготовиться?

— Все уже лежит наверху. Черное платье, черная шляпка, черный жемчуг. — Генриетта вздохнула. — Когда я умру, пусть меня не одевают в черное. Это так уныло. Дай мне слово. Я хочу, чтобы меня похоронили в розовом с большим букетом бегоний в руках.

— Ты не умрешь. Это случится не скоро. А теперь ступай наверх и оденься.

— Ну хорошо-хорошо, грубиян ты этакий!

Она склонилась над ним, и ее груди, теплые и мягкие, прижались к его шее. Поцеловав мужа в щеку, Генриетта поспешно вышла, оставив на столе завтрак. Возвращаясь к тексту речи, Робин Осборн улыбнулся про себя. Возможно, жена права и следует выбросить пару страниц. Он еще раз перечитал написанное.

«Жизнь у Мэри Блэкистон была непростая. Вскоре после переезда в Саксби-на-Эйвоне ей довелось пережить личную трагедию, и горе вполне могло поглотить ее. Но она не сдалась. Она была из тех женщин, что любят жизнь и не позволяют судьбе взять над ними верх. И теперь, когда тело ее упокоится рядом с сыном, которого она так любила и так трагически лишилась, мы можем черпать толику утешения в мысли, что теперь они наконец вместе».

Этот абзац Робин Осборн перечитал дважды. И снова вспомнил Мэри стоящей здесь, в этой самой комнате, прямо перед столом.

«Слышала, что вам досаждают осы».

Заметила ли она их? Знала ли?

Солнце, должно быть, спряталось за облако, потому что по лицу священника внезапно пробежала тень. Он протянул руку, вырвал целый лист и, разорвав его в клочья, бросил в мусорную корзину.

3

Доктор Эмилия Редвинг проснулась рано. Целый час она провалялась в постели, пытаясь убедить себя, что еще сумеет заснуть, потом встала, накинула халат и приготовила чашку чая. Так и оставшись сидеть на кухне, она наблюдала, как солнце поднимается над ее садом и расположенными позади него развалинами Саксби-Касл, замка постройки тринадцатого века. Замок привлекал сотни любителей истории, но всякий раз после полудня заслонял солнце, отбрасывая длинную тень на усадьбу. Стрелки часов едва миновали половину девятого. Вскоре принесут газеты. На столе перед Эмилией лежало несколько медицинских карт пациентов, и она занялась ими, отчасти чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем дне. По утрам в субботу лечебница, как правило, работала, но сегодня по причине похорон останется закрытой. Ну что же, хорошая возможность разобраться с бумажными делами.

В деревнях вроде Саксби-на-Эйвоне особо серьезных медицинских случаев не бывает. Если что и уносило жизни ее обитателей, так это преклонный возраст, а с этим доктор Редвинг поделаться ничего не могла. Просматривая карты, она усталым глазом скользила по названиям разных хворей, с которыми пришлось недавно столкнуться. Мисс Доттерел, помогавшая в магазине, встала после того, как провела пять дней в кровати с корью. Девятилетний Билли Уивер слег с жестоким приступом коклюша, но уже шел на поправку. Его дед, Джефф Уивер, уже много лет страдал артритом, но ему не становилось ни лучше, ни хуже. Джонни Уайтхед порезал руку. Генриетта Осборн, жена викария, ухитрилась наступить на куст ядовитого паслена,

atropa belladonna, и каким-то образом обожгла всю ногу. Ей прописали неделю постельного режима и обильное питье. За исключением этих случаев, теплое лето благотворно сказывалось на здоровье всех жителей.

Нет, не всех. Один человек умер.

Отодвинув медицинские карточки в сторону, доктор Редвинг подошла к плите и принялась готовить завтрак для себя и для мужа. Она уже слышала, как Артур ходит наверху, потом до нее донеслись скрежет и гул, сопровождавшие водные процедуры. Канализационная система в доме имела за плечами по меньшей мере лет пятьдесят стажа и громко жаловалась всякий раз, когда ее заставляли работать, но кое-как справлялась. Супруг скоро спустится. Эмилия нарезала хлеб для тостов, налила в кастрюльку воды, поставила на плиту, достала молоко и хлопья.

Артур и Эмилия Редвинг были женаты тридцать лет. Этот брак оказался успешным и счастливым, подумала она, даже если дела пошли не совсем так, как они надеялись. Начать хотя бы с Себастьяна, их единственного сына. Ему исполнилось двадцать четыре, и он жил со своими приятелями-битниками в Лондоне. Как мог он стать таким разочарованием? И в какой именно момент сын обернулся против них? Родители не слышали о нем уже несколько месяцев и даже не знали, жив он или умер. Потом сам Артур. Он начал с карьеры архитектора, причем блестящей. Ему вручили медаль Слоуна Королевского института британских архитекторов за проект, разработанный в художественном училище. Артур поработал над строительством нескольких зданий, возведенных сразу после войны. Но истинным его влечением была живопись, особенно портреты маслом, и десять лет назад он оставил архитектуру, став профессиональным художником. И сделал это с полного одобрения Эмилии.

Одна из работ Артура висела в кухне, на стене рядом с буфетом, и доктор Редвинг посмотрела на картину. Это был ее собственный портрет, написанный десять лет назад. Глядя на него, она всегда улыбалась, вспоминая долгое молчание, в каком сидела, позируя для мужа в окружении полевых цветов.

За работой супруг никогда не разговаривал. Понадобилось около дюжины сеансов тем долгим жарким летом, и Артуру каким-то образом удалось передать нависающее к исходу дня марево и аромат лугов. Эмилия была в длинном платье и в соломенной шляпке — прямо Ван Гог женского пола, шутила она. Наверное, намек на стиль этого великого художника угадывался в ярких красках и грубоватых мазках. Красавицей Эмилию назвать было нельзя, она это знала. Слишком суровое лицо, широкие плечи и темные волосы делали ее мужеподобной. В ее поведении было что-то от учительницы или гувернантки. Люди находили доктора слишком официальной в общении. Но Артур сумел найти в ней нечто прекрасное. Если бы эта картина висела в лондонской галерее, никто не прошел бы мимо, не задержавшись взглядом.

Но картина была не в музее, а здесь. Ни одна из лондонских галерей не проявила интереса к работам Артура. Эмилия отказывалась это понять. Вдвоем они посетили летнюю выставку в Королевской академии и видели работы Джеймса Ганна и сэра Альфреда Маннинга. Был там и вызвавший противоречивые отклики портрет королевы пера Саймона Элвеса. Все они выглядели такими обыкновенными и скучными по сравнению с картинами ее мужа.

Почему же все отказываются признавать Артура Редвинга гением, каким он, без всякого сомнения, является?

Эмилия взяла три яйца и осторожно опустила в кастрюльку: два для него, одно для себя. На одном из них скорлупа лопнула от соприкосновения с кипящей водой, и у нее промелькнула вдруг мысль о черепе Мэри Блэкистон, расколовшемся при падении. Ей никак не удавалось прогнать эту картину из головы. До сих пор доктор вздрагивала, вспоминая об увиденном, и никак не могла понять почему. Ведь доктору не в первый раз приходилось видеть мертвое тело, а работая в Лондоне во время самых тяжелых дней Блиц¹, она лечила людей с жуткими ранами. Так чем отличается этот случай?

¹ *Блиц* — кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны.

Возможно, причина в том, что они были близки. Верно, что у доктора и экономки крайне мало общего, но, вопреки всему, они были друзьями. Началось все с того времени, как миссис Блэкистон стала ее пациенткой. У Мэри проявился опоясывающий лишай, она промучилась месяц, и доктора Редвинг впечатлили ее выдержка и здравый смысл. С тех пор Эмилия стала часто делиться с Мэри своими проблемами — просто чтобы поплакаться ей в жилетку. Разумеется, доктор свято хранила врачебную тайну, но, если что-то ее тяготило, она всегда могла рассчитывать, что Мэри внимательно ее выслушает и даст разумный совет. И тут вдруг ни с того ни с сего все закончилось: примерно неделю тому назад самое заурядное утро нарушил телефонный звонок Брента, смотрителя парка в Пай-Холле.

— Доктор Редвинг, вы можете прийти? Тут миссис Блэкистон. Она у подножия лестницы в большом доме. Лежит там. Думаю, она упала.

— Она шевелится?

— Да нет вроде.

— Вы сейчас с ней?

— Я не могу войти — все двери закрыты.

Бренту было за двадцать. Это был сутулый молодой человек с грязью под ногтями и с выражением угрюмого безразличия в глазах. Он ухаживал за лужайками и клумбами и по временам гонял незаконно проникших на территорию, в точности как прежде его отец. Земли Пай-Холла сзади выходили к озеру, и летом дети любили там купаться, но только если Брента не было поблизости. Он был холост, жил один в доме, принадлежавшем раньше его родителям. В деревне его недолюбливали, считали, что этот малый себе на уме. Правда заключалась в том, что Брент не получил образования и, возможно, страдал легкой формой аутизма, но деревенская молва всегда норovit по-своему заполнить пробелы. Доктор Редвинг велела ему ждать ее у парадного входа, захватила кое-какие врачебные принадлежности, дала Джой, выполняющей при ней роль медсестры и администратора, наказ отправлять прочь новых пациентов, и поспешила к машине.

Горовиц Э.

Г 70 Сороки-убийцы : роман / Энтони Горовиц ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-18642-2

Редактор Сьюзен Райленд читает рукопись детективного романа, который с нетерпением ожидают поклонники популярной серии, и обнаруживает, что там недостает самого интересного — развязки. Сьюзен начинает поиски пропавших страниц и попутно фантазирует, пытаясь отгадать, кто же является убийцей в романе, составляет список подозреваемых... Известие о смерти Алана Конвея, автора того самого детектива, застает ее врасплох. Он покончил с собой? Стал жертвой несчастного случая? Но Сьюзен не зря двадцать лет редактировала книги криминального жанра, дедуктивный метод знаком ей не понаслышке. Сопоставив некоторые факты, она приходит к выводу, что произошло замаскированное убийство, и с риском для жизни начинает распутывать этот детективный клубок...

Роман в романе, литературная игра, полная загадок и мистификаций.
Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
СОРОКИ-УБИЙЦЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Антон Залозный, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.08.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-ABB-27275-01-R